

DOI 10.25991/VRHGA.2025.2.2.006

УДК 101.1

A. С. Колесников*

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ НА РОССИЙСКОЙ СЦЕНЕ И ФЕНОМЕНОЛОГИЯ**

Статья анализирует взаимосвязь и взаимовлияние аналитической философии и феноменологии. Так, демонстрируются некоторые общие черты интересов и доктрины ранней аналитической философии и феноменологии, которые становятся более известными, как и исторические связи между такими философами, как Рассел, Мур, Брентано и Мейнинг, Фреге и Гуссерль, Райль и Хайдеггер. Имеются исторические и методологические связи, которые отчасти представлены в статье. История «расхождения» путей аналитиков и феноменологов представлена отчасти, с особым акцентом на творчество Гильберта Райля. Сыграли свою роль и доктринальные различия школ аналитической философии и феноменологии., но объединяющим фактором выступают при этом осознание степени, в которой мир может быть понят или познан посредством исследования человеческого опыта, мысли или языка.

Ключевые слова: Рассел, Гуссерль, Райль, аналитическая философия, феноменология.

---

* Колесников Анатолий Сергеевич — д-р филос. наук, руководитель научного проекта № 24–28–00295, kolesnikov1940@yandex.ru, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, 191023, г. Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15, лит. А.

Anatoly S. Kolesnikov — a Doctor of Philosophy, Head of Research Project No. 24–28–00295, kolesnikov1940@yandex.ru, The Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky, 15, Fontanka Embankment, Saint Petersburg, 191023, Russian Federation.

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–28–00295, <https://rscf.ru/project/24-28-00295/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 24–28–00295, <https://rscf.ru/project/24-28-00295/>; The Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky, 15, Fontanka Embankment, Saint Petersburg, 191023, Russian Federation.

A. S. Kolesnikov

ANALYTICAL PHILOSOPHY ON THE RUSSIAN STAGE AND PHENOMENOLOGY

The article analyzes the relationship and mutual influence of analytical philosophy and phenomenology. Thus, some common features of the interests and doctrines of early analytical philosophy and phenomenology are demonstrated, which are becoming better known, as well as historical connections between such philosophers as Russell, Moore, Brentano and Meinong, Frege and Husserl, Ryle and Heidegger. There are historical and methodological connections, which are partly presented in the article. The history of the “divergence” of the paths of analysts and phenomenologists is presented in part, with a special emphasis on the work of Gilbert Ryle. Doctrinal differences between the schools of analytical philosophy and phenomenology also played a role, but the unifying factor is the awareness of the extent to which the world can be understood or cognized through the study of human experience, thought or language.

Keywords: Russell, Husserl, Ryle, analytical philosophy, phenomenology.

Накопленного знания о развитии аналитической философии, логического позитивизма, логического эмпиризма в России было уже достаточно для осознания того, что мыслители этого направления достаточно много сделали для выяснения сути теоретико-познавательного процесса и роли в нем логики и математики. Постпозитивизм в лице К. Поппера, И. Лакатоса, Д. Агасси, П. Фейерабенда, Т. Куна, С. Тулмина и ряда других разделились на научный реализм, прагматический анализ, феноменалистический анализ, научный материализм и ряд других школ. Тематически многие проблемы в рамках аналитической философии имели самостоятельную и по-своему оригинальную традицию изучения в отечественном дискурсе: проблемы определения знания; ряд вопросов, связанных с методологией науки, философские аспекты значения, сознания, информации и др. Однако наличие собственных наработок редко вело к синтезу сходных по предмету концепций, обогащению теоретического аппарата и их дальнейшему развитию с выходом на международную аудиторию. Слишком различными оказываются исходные мировоззренческие посылки и представления о приемлемых формах аргументации. Понятно, почему на рубеже XX–XXI вв. интерес российских исследователей был обращен к феноменологии, герменевтике, фундаментальной онтологии, русской религиозной философии, различным версиям постмодернизма и др. Общемировые тенденции свидетельствуют о том, что аналитическая философия все больше становится одной из мировых школ философии, связанной к тому же крепко с феноменологией [6; 8; 11].

К настоящему времени некоторые общие черты интересов и доктрины ранней аналитической философии и феноменологии становятся более известными, как и исторические связи между такими философами, как Рассел и Мейнинг, Фрэг и Гуссерль*. Однако даже там, где эти общие черты признаются, стандартная история гласит, что расцвет легкой коммуникации, пересечения и влияния закончился примерно к 1920 г., когда две школы пошли своими путями, оставив

* Подробный отчет о влиянии таких фигур, как Брентано и Мейнинг, на Рассела и Мура см. в [37, с. 149–155]. Связь Гуссерля и Фрэга подробно изложена у Моханти [16] и Дамметта [7].

постоянно расширяющуюся пропасть между ними после смерти Брентано в 1917 г., Мейнонга в 1920 г., отхода Рассела от Мейнонга к 1918 г. и поворота Гуссерля к трансцендентальному идеализму несколько раньше. Под «феноменологией» имеется в виду не только официальная школа и методы феноменологии, разработанные Гуссерлем в «Идеях» и впоследствии, но более широкую традицию феноменологии, которая началась как описательная психология Брентано (выясняющая «логические отношения» между типами ментальных актов) и развилась в ранних работах Гуссерля в «Логических исследованиях» (где феноменология имеет в виду «опыт, интуитивно схватываемый и анализируемый в чистой общности их сущности»), а также в его более поздних работах и трудах следующего поколения, включая Хайдеггера. Связь в первую очередь касается не вопросов, представляющих интерес (таких как статус значений или утверждений о несуществующем, которые связывали первые волны феноменологии и аналитической философии), и методологии. Феноменология сыграла ключевую роль в формировании осознанной концепции аналитической философии о ее собственной роли и методах (включая метод лингвистического и концептуального анализа, который дал аналитической философии ее название) и тех обычных языковых практиках, которые помогли создать обычную языковую философию.

Есть два момента в исторической и методологической связи между аналитической философией и в значительной степени континентальной традицией феноменологии. В начале традиции феноменологические проекты были отмечены как проблемные такими аналитическими философами, как Рассел, Карнап и Райл; в конце традиции такие философы, как Джон Серл и Дэниел Деннетт, продолжают отличать свои соответствующие проекты от очевидно связанных идей в феноменологии. Существует тесная историческая связь в возникновении аналитической философии и феноменологии в начале двадцатого века и в некоторых аспектах их последующего развития, независимо от того, поддерживает ли кто-либо утверждение Майкла Дамметта о том, что — подобно Дунаю и Рейну — они начинались из одного источника, но затем развивались все более независимыми и расходящимися траекториями [7].

На что обратили внимание российские исследователи, так на историю «расхождения путей», которая известна и сопровождалась изложением встреч между представителями обеих сторон «раздела», с такими феноменологами, как Гуссерль и Хайдеггер, с одной стороны, и такими «аналитиками», как Фреге, Карнап и Райл, с другой. Многие рассказы выступают как ретроспективные суждения, которые частично обусловлены современным дискурсом относительно «раздела». Они также часто сопровождаются постулированием предшествующего или будущего философского горизонта. Как таковые, они включают в себя неявные нарративы прогресса или упадка, которые часто являются весьма избирательными. В таких размышлениях часто происходит односторонний отбор и выбор. Хорошим примером является утверждение Вольфганга Хюмера о том, что

«...был серьезный интерес к феноменологии среди ранних аналитических философов, таких как Берtrand Рассел, Гилберт Райл, и даже среди некоторых членов

Венского кружка. Эти исторические исследования дали более точную перспективу истории философии двадцатого века, положив конец мифу о большом и непреодолимом разрыве между аналитической философией и феноменологическим движением» [11, р. 2].

Ряд авторов выражают обеспокоенность тем, что современная история философии часто является просто перечислением влияний, а не проектом разработки истории философских открытий на службе концепции философии как теоретического предприятия. Именно это чувство философии как теоретического предприятия, способного генерировать позитивное знание, отмечается в ранних аналитических и феноменологических движениях. Честный новаторский дух ранней и конструктивной фазы аналитической философии имел свои близкие параллели также у ранних феноменологов, настолько, что столетие назад не существовало никакой пропасти между ними [19, р. 67]. Да, было много общего, но точка зрения «отсутствия пропасти» верна только в определенных пределах; здесь не изображена картина бурного взаимодействия, постепенно уменьшающегося со временем. Вместо этого фактическое взаимодействие между ранними аналитиками (Расселом и Муром) и Гуссерлем было слабым в первые десятилетия двадцатого века, именно когда существовала общая повестка дня и когда потенциальное взаимодействие было, по всей вероятности, самым полезным.

Шесть «Логических исследований» Гуссерля по-разному касаются природы экспрессивного языка, нашего осознания универсалий, различия части/целого, которое обосновывает теорию аналитичности, и попытки охарактеризовать природу намеренных актов и предложить тонкое описание, чем у Брентано. Почти все эти проекты имеют очевидное сходство с философской деятельностью Рассела и Мура того времени. Однако в то время эти позитивные проекты в «Логических исследованиях» обсуждались гораздо меньше, чем «Прологомены к чистой логике», в которых Гуссерль (под сильным влиянием Фреге) представляет свои доводы против психологизма. В этот период критика гуссерлевской формы антипсихологизма была опубликована Наторпом, Хеймансом, Риккертом, Кронером, Иерусалимом, Михальчевым, Эрдманном, Шликом и многими другими (см.: [12, гл. 5]).^{*} Его роль как антипсихологического трактата, по-видимому, является единственным аспектом «Логических исследований», который получил какое-либо внимание в британских философских журналах в то время, как правило, в контексте немецких дебатов о «психологизме». Однако под влиянием Ройса и Мюнстерберга американская философия в то время, по-видимому, обращала внимание на позитивную работу Гуссерля так же, как и на полемику против психологизма, о чем говорит ранняя позитивная оценка Ройса «феноменологического анализа» [22]. В *Mind*, например, с 1900 по 1913 гг. Гуссерль обсуждается таким образом в четырежды. Два из них являются обзорами Мура (*Empfindung und Denken* Августа Мессера и *Philosophische Studien* Дмитрия Михальчева, каждый из которых

* См. подробно об атмосфере того времени при выходе работы: Куренной В. «Прологомены к чистой логике» Э. Гуссерля и спор о психологизме. [Электронный ресурс] URL <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/w0nzwza8d8/79051863.pdf>

широко критикует позицию Гуссерля относительно роли психологии в логике) [18]. Упоминания Муром Гуссерля мимолетны, но ясно показывают, что Мур осознает не только споры о психологизме, но и разделение Гуссерлем материи и качества намеренных актов (различие, введенное в Пятом исследовании). Упоминание Гуссерля в британских философских публикациях по-видимому, представляет собой длинную сноска в статье Сэмюэля Александера 1913 г. «II: Коллективное вление и истина», в которой, кроме ссылки на антипсихологизм, он защищает свою точку зрения против утверждения Гуссерля о том, что было бы абсурдно считать логику наукой о реальностях [1, р. 39].

Раннее отношение Рассела к работам Гуссерля стало предметом научного любопытства по крайней мере с 1950-х гг., когда Рассел отвечал Шпигельбергу по этому вопросу, ситуация, отчасти вызванная относительным молчанием Рассела о Гуссерле и феноменологии, как в опубликованных работах, так и в частной переписке. Единственное мимолетное упоминание Гуссерля в автобиографии Рассела находится в письме к Расселу от Норберта Винера в 1913 г., в котором пренебрежительно говорится об «интеллектуальных исказениях» Гуссерля.

Эдит Рассел объяснила одному из спрашивающих, что по словам отца, он давным-давно прочитал «Логические исследования» Гуссерля, однако его работа, как и труд Мейнонга, потеряла свою ценность ввиду его собственной теории описаний. Он не читал ни одной из последующих работ Гуссерля [28] Рассел принимает на себя теоретические обязательства, позволяющие ему избегать мейнонгианских угроз основам его философской логики [38, р. 310]. «Исследования» привлекли внимание Рассела вскоре после публикации Кутюра [35, #82]. Критика психологизма, безусловно, поддавалась реализму Рассела и Мура, и кажется возможным, что этот аспект работы Гуссерля был достаточен для Рассела, чтобы считать его ранние сочинения чем-то вроде союзника в трехсторонних дебатах, которые вели в британской философии, между реализмом, идеализмом и прагматизмом. Однако, по всей видимости, это была единственная работа, которую прочитал Рассел: в своей популярной обзорной статье 1924 г. «Философия в двадцатом веке» Рассел описывает «Логические исследования» как «монументальную работу, [которая] вскоре начала оказывать большое влияние». При этом он упоминает Фреге, Гуссерля и Мейнонга как участников «восстания против немецкого идеализма», осуществленного «с строгой технической точки зрения» [26, р. 53].

Между завершением работы Рассела над *Principia Mathematica* в 1910 г. и началом войны в 1914 г. Рассел был озабочен обеспечением эпистемологических основ логики, проектом в целом того же рода, что и Гуссерль. Его главная неопубликованная работа в этот период, рукопись 1913 г. «Теория познания» [27], показывает параллели с отдельными темами, исследуемыми Гуссерлем (например, с классификацией ментальных актов Гуссерля), установленными в рамках общего проекта обоснования нашего знания логических терминов в когнитивном отношении знакомства, и демонстрации вклада, который знакомство с логической формой играет во всех актах суждения (и, следовательно, во всех сложных мыслях). Критика Витгенштейном теории суждения, связанной с множественными отношениями, вынудила отказаться от проекта,

и Рассел временно отошел от основополагающих вопросов к конструктивным возможностям новых методов в философии [38, р. 310]. Его лекции Лоуэлла, собранные под названием «Наши знания о внешнем мире как поле для научного метода в философии» (1914), являются витриной новых методов анализа по ряду тем, включая природу внешнего мира, непрерывность, бесконечность и причинность.

Пацифистская деятельность Рассела во время войны привела к приостановке его философской работы на некоторое время, но его возвращение к философии знаменует собой еще одно потенциальное занятие. «Логические исследования» была одной из многих книг, к которым Рассел имел доступ в период своего пребывания в тюрьме Брикстон в 1918 г.; в письме к Гуссерлю от 19 апреля 1920 г. Рассел упоминает, что прочитал ее [24], и планировал рецензию на нее в *Mind*; о запланированной рецензии он упоминает в его переписке со Стаутом во время пребывания в тюрьме [23]. Очевидно, что Рассел вернулся к основополагающим вопросам, рассмотренным в его «Теории познания» (и, конечно, к теории множественных отношений суждения, которая довольно осторожно обсуждается в его лекциях 1918 г. «Философия логического атомизма»). Завершив в мае «Введение в математическую философию», Рассел в оставшуюся часть своего тюремного срока читал труды по психологии, работая над вопросом о том, был ли нейтральный монизм чем-то большим, чем просто удобством, позволяющим уйти от критики Витгенштейна теории множественных отношений [17, р. 525].

В это время позитивная исследовательская программа Рассела уже была в самом разгаре. Аналитическую философию можно рассматривать как со-средоточенную вокруг «классического проекта анализа», в котором ресурсы одного словаря используются для осмыслиения (анализа, определения, сокращения, перефразирования, перевода) другого словаря. Является ли это полезным приемом для понимания всей традиции, многие из исследований Рассела и примеров анализа в начале двадцатого века имеют именно этот шаблон. К моменту очевидного взаимодействия Рассела с «Пролегоменами» в 1918 г., по сути, исключало любое серьезное взаимодействие с формирующейся феноменологической традицией.

Потенциальное взаимодействие было очень затруднено в то время направлением, в котором двигался Рассел. Большая часть чтения Рассела в тюрьме была бихевиористской психологией, и вскоре, в начале 1919 г., он начал расширенную переписку с Джоном Уотсоном, отправив ему рукопись «Анализа разума» для комментариев перед его публикацией. Цели Рассела в то время отличались от целей Гуссерля: по его словам, «Я все еще хочу спасти физический мир от идеалиста. Но если бы я мог спасти так называемый “ментальный мир” от него тоже!» [17, р. 535]. В этом случае трудно понять, почему Рассел читал «Пролегомены» в тюремной камере. Переходя к более поздним исследованиям Гуссерля на этом этапе, его характеристика объектов субъективных представлений просто показалась бы Расселу развитием того, что он на этом этапе считал основной ошибкой Брентано и Мейнинга [25, р. 14–19].

Итак, отсутствие плодотворного аналитического взаимодействия с ранней реалистической феноменологией Гуссерля в первом десятилетии XX в. можно

рассматривать как упущенную возможность. Собственный отход Гуссерля от однозначно реалистической позиции, публикация *Jahrbuch* и так называемый трансцендентальный поворот Гуссерля (1906–1907 гг.) привели к тому, что его феноменология оказалась в соответствии с различными лагерями в британских и американских дебатах. *Jahrbuch* был с энтузиазмом рецензирован Г. Доусоном Хиксом и Бернардом Бозанкетом [9; 3]. В течение следующего десятилетия именно британцы Хикс и Бозанкет интегрировали оценку работы Гуссерля в свои собственные версии идеализма, создавая больше точек потенциального взаимодействия. Так, аргументы Гуссерля использовались Хиксом в дискуссиях за круглым столом с Муром, Стаутом и другими в Аристотелевском обществе в 1913 и 1916 гг., что было частью дискуссий о природе внешнего мира. Хикс также организовал визит Гуссерля в 1922 г. для чтения лекций в Лондонском университете, на которых присутствовали Мур и молодой Райл. Это была очевидная неудача с точки зрения взаимодействия с Гуссерлем для британской философии в целом [39–156], исключая влияние Гуссерля на Райла. Опять же, широко использовались работы Гуссерля в работе Бозанкета 1920 г. *Implication and Linear Inference*, в рецензии на которую К. Д. Брод приветствовал взаимодействие с Гуссерлем, что становится чем-то вроде тропа в британских комментариях к феноменологии в дальнейшем: приятно видеть, что по крайней мере один выдающийся английский философ признает важность работы Гуссерля, которая была игнорирована, возможно, из-за ее чрезвычайной многословности и ее колючей проволоки запутанности новых технических терминов.

Известно, что 1950-х гг. «раздел» между аналитической и континентальной философией становится укоренившимся. Создаются ключевые аналитические журналы, такие как *Philosophical Studies* (1950). В Гарварде организуется «Общество феноменологии и экзистенциальной философии» (1962). В Европе печально известные коллоквиумы в Роямонте проводятся недалеко от Парижа в 1958 г., провал которых засвидетельствовал о «пропасти». В этом же году Джейфри Уорнок публикует «Английскую философию с 1900 года», отстаивая этот «разрыв» [44], а Мэри Уорнок отметила в своих мемуарах, что в Оксфорде и Кембридже была «глубокая враждебность» к философии, пришедшей из континентальной Европы [45, р. 85].

Основные представители обеих сторон мнимого «разрыва» делают замечания, которые, по-видимому, согласуются с тезисом о «расхождении путей». Жорж Батай говорит, что между этими способами философствования существует «пропасть», которая намного больше, чем между французской и немецкой философией, а Габриэль Марсель отметил:

«Опыт неоспоримо показывает нам, что в большей части англосаксонского мира слово “философия” понимается в совершенно ином смысле, чем там, где феноменология, исходящая от Гуссерля и Шелера, постепенно распространяла свое влияние...» [13, р. 17–8].

Стоит признать и ряд внефилософских факторов расхождения даже на явном философском и методологическом уровне, что не является просто исключением по отношению к феноменологии. Напротив, феноменология периодически вводится или понимается как дополнение к обычной языковой

философии. Именно в этот период различные «гиганты» аналитической философии всерьез рассматривали возможность назвать свою собственную работу феноменологией. Витгенштейн предпринимал такой шаг еще в 1930 г., заметив: «Вы могли бы сказать о моей работе, что это “феноменология”» [46–116]. Он возвращается к рассмотрению феноменологии в конце своей карьеры в «Заметках о цвете»: «Такой вещи, как феноменология, не существует, но действительно существуют феноменологические проблемы» (RC, I, § 53); «искушение верить в феноменологию, нечто среднее между наукой и логикой, очень велико» (RC, II, § 3) Дж. Л. Остин сказал в 1956 г. в «Мольбе об извинениях»:

«Я думаю, было бы лучше использовать для этого способа заниматься философией какое-то менее вводящее в заблуждение название, чем приведенные выше, — например, “лингвистическая феноменология”, только это довольно труднопроизносимо» [2, р. 130].

В этот период Чарльз Тейлор был приглашен на знаменитые субботние утренние встречи Остина именно для того, чтобы проинформировать аудиторию о работе Мориса Мерло-Понти и его книге «Феноменология восприятия» [45, р. 32]. В 1958 г. Райл в Ройомоне заявляет, что «Концепцию разума» «можно описать как последовательное эссе по феноменологии, если вы чувствуете себя как дома с этим ярлыком» [29–196]. У. Селларс также заявил, что, «насколько я помню, я считал философский анализ (и синтез) родственным феноменологией» [36, р. 170]. Лекции Селларса в Нотр-Дам показывают его интерес к классической феноменологии на протяжении 1950-х гг., и процитированное замечание было сделано в диалоге с известным феноменологом Дж. Л. Мокханти. Мокханти отмечает, что он не видит непреодолимой пропасти между феноменологическим анализом и концептуальным анализом и приписывает Селларсу большое мастерство в практике феноменологической редукции путем «прореживания» перцептивных обязательств [15, р. 186].

Заигрывания с кооптацией самого названия «феноменология» выступает признаком все более расходящихся траекторий. Но любая воспринимаемая близость с феноменологией некомфортна для формирующейся аналитической традиции и ее практиков, потенциально угрожая социально-политическому институту аналитической философии через ее претензию на наличие отдельных методов и способов заниматься философией [21, р. Xi]. Однако стоит отметить историческое и методологическое значение феноменологии для традиции обычного языка через Райла [41], предполагая, что полемос этого периода отчасти является результатом зарождающейся близости к феноменологии. Хотя Урмсон описывает Райла как имеющего «короткий и ранний флирт с феноменологией» [43, р. 269].

Если о Витгенштейне и феноменологии написано много, то о Райле и феноменологии написано мало, а вовлеченность Райла была и глубже, и сохранялась на протяжении всей его долгой карьеры. При этом в работе Стролла [40] в главе, посвященной Райлу и Остину, ничего не упоминается о феноменологических интересах Райла. Этот факт тривиализируется Дамметом замечанием, что «молодой» Райл «начал свою карьеру» с интереса к феноменологии, только чтобы пожалеть, что «малое из того, чему он научился у них, сохранилось

в его более поздних работах» [7, p. ix-x]. Дермот Моран в своей истории феноменологии даже обвиняет Райла, в том, что он помешал мысли Хайдеггера обрести влияние, хотя на самом деле он был ее оригинальным толкователем для англоязычного мира (и, конечно, не негативным толкователем) [18, p. 246].

Интерпретация вклада началась с обзора книги Романа Ингардена в *Mind* в 1927 г. [34] и закончилось его 15-страничной интеллектуальной автобиографией, которая посвящает две страницы феноменологии [31; 41–116]. Свое предпочтение феноменологии Райл демонстрировал разными способами: преподавал и читал Гуссерля, написал несколько статей по феноменологии. В его отношении к феноменологии есть некоторая двойственность, которая может отражать как трудности в его собственных метафилософских трудах, так и тот факт, что многие из его самых известных философских действий имеют феноменологическое происхождение.

В 1929 г. Райл опубликовал обзор в *Mind* по *Бытию и времени*, до влиятельной критики Карнапом Хайдеггера в 1932 г. Обзор Райла колеблется между жестким упреком «саморазрушительного субъективизма» и «мистицизма» Хайдеггера и гораздо более благожелательными трактовками. Отмечается, что «первые попытки Райла в 1920-х гг. “сломать шаблон” привели его к изучению континентальной феноменологии, но примерно к 1930 г. он был занят главным образом вопросом о том, что такое сама философия» [10, p. 786], в то время как *Who's Who in the Twentieth Century* сообщает:

«Райл изначально проявил некоторый интерес к современной немецкой философии, но в своей статье “Систематически вводящие в заблуждение выражения” (1931) он объявил о своем обращении к новой лингвистической философии. И далее он развил взгляды в своей оригинальной ранней статье по методологии, “Категории” (1937)» [5, p. 503],

в которой очевидно развитие идей, по признанию Райла, выдвинутых в «Логических исследованиях» Гуссерля. Опираясь на Гуссерля, в «Концепции разума» Райл выдвинул свою знаменитую идею категориальной ошибки, идею, которая обычно предполагает резкое различие между философским и научным языком и поиском местоположения разума [29, p. 196]. Именно в образах феноменологической традиции, от Брентано до Хайдеггера, Райл нашел основу для своих собственных взглядов на природу и надлежащие методы философии, а также некоторые из его существенных взглядов на разум. Конечно, это не отрицает важности таких образцов, как Рассел, Мур и Витгенштейн, которые также оказали большое влияние на Райла и его способы явного ответа на вопрос о том, каковы надлежащая роль и метод философии. Гуссерль говорил об интуиции сущностей примерно так же, как Мур говорил об осмотре понятий, а Рассел говорил о знакомстве с универсалиями.

Хотя работа называется «Концепции разума», на самом деле это исследование разнообразных конкретных ментальных концепций, таких как познание, обучение, открытие, воображение, притворство, надежда, желание, чувство подавленности, чувство боли, решение, действие добровольно, действие преднамеренно, восприятие, воспоминание и т. д. Книгу можно было бы описать как выдержанное эссе по феноменологии [32, p. 188]. Концепция философии

как концептуального анализа служила общей формой ответа на вопросы об истинной роли философии. Таким образом, сама идея того, что такое философия, которая помогла сформировать аналитическую философию как школу и дать ей ее название, произошла от попыток ранних феноменологов отличить философию от эмпирической психологии. Многие из них согласятся с таким пониманием, включая Гуссерля, а в последнее время Дэн Захави, как и Эми Томассон считают «категориальную ошибку» одновременно гуссерлианским и райловским языком [41].

Райл также открывает пространство для феноменологии как потенциально жизнеспособного проекта, между наукой и логическим анализом. В своей автобиографии он пишет: «Убежденность в том, что “Концептуальный анализ”, по-видимому, обозначает допустимое, даже похвальное упражнение...» [31, р. 10–11]. Его понимание концептуального анализа допускает роль того, что было названо феноменологией. Райл подразумевает под ним с точки зрения раскрытия «логической грамматики» выражений различных типов. В то время как Витгенштейн обсуждает идею правил логической грамматики в «Трактате» (1922), Райл отмечает по крайней мере дважды [33–363; 32–81], что эта идея была подробно обсуждена гораздо раньше Гуссерлем в «Логических Исследованиях». В Четвертом Исследовании Гуссерль обращается к «старой идее универсальной или даже априорной грамматики», которая раскроет априорные законы, определяющие «возможные формы смысла» [32, р. 493]. Он напоминает, что логико-грамматические законы «с их объективной значимостью, основанной на чистых категориях значений, отличаются от онтологически-аналитических законов, которые основаны на формально-онтологических категориях (таких как объект, свойство, множественность и т. д.)» [32, р. 523]*.

Идеи из *Прологемен* являются важнейшим первоисточником как общей идеи Райла о том, что философский анализ смысла основан не на поиске словарных определений, а скорее на раскрытии «логической грамматики» выражений. Он пытается отделить специфически философскую задачу анализа смысла выражений от связанных с ней лингвистических задач, говоря, что первая задача заключается не в предоставлении парофраз или синонимов выражений, а скорее в картографировании их «логической географии», раскрытии их «логических категорий». Вот почему работа Райла по другим философским проблемам явно задумана в этих терминах. Например, он описывает основную задачу «Концепции разума» как «исправить логическую географию знаний [разума], которыми мы уже обладаем» [29, р. 71], а «определить логическую географию понятий — значит раскрыть логику предложений» [29, р. 8].

Райл метафилософски близок к феноменологии, хотя и более оптимистичен в отношении идеи отправной точки без предпосылок. Но мыслитель довольно часто характеризует различия между своим взглядом и взглядом немецких феноменологов с точки зрения их отношения к науке. Фактически троп феноменологии как антинауки, возможно, обязан Райлу так же, как и Карнапу

---

* Круглый стол в Институте философии РАН и «Вопросах философии» «Логические исследования» Эдмунда Гуссерля. К выходу в свет первого полного перевода на русский язык», 14 ноября 2024 г.

и посткуайновским натуралистам. Вопросы, связанные с отношениями между философией и наукой, также являются ключевой особенностью вклада Райла в печально известную встречу в Руайононе. Хотя критика им феноменологии не полностью соответствует более ранним замечаниям, она представляет собой риторически более сильную позицию, которая стала частью фольклора «разделения», даже если иногда ошибочно.

По всей видимости трансцендентальная феноменология имеет некоторую метафилософскую близость между Гуссерлем и Райллом. И если Гуссерль изложил метод программно, Райл применяет этот метод анализа к ряду давних философских проблем, таких как проблема разума, проблема свободы воли и проблема отношения между научным и «обычным» миром. В свою очередь, метод Райла по выявлению «ошибок категорий» и его парадигматические приложения к другим проблемам выдержали испытание временем как влиятельные модели аналитической философии. Можно отметить и некоторое согласие между Райллом и феноменологами по более конкретным философским темам. В его философии, например, есть акцент на примате практического знания над теоретическим, что, по-видимому, согласуется со многими феноменологическими размышлениеми. В «Концепции разума» он говорит, что тщательное изучение фактических практик показывает, что они не требуют философски проблематичных сущностей (платонических сущностей, картезианских душ и т. д.), которые, как предполагается, необходимы для их оправдания. Обычный языковой подход к философии, отстаиваемый в 1940–1960-х гг., справедливо считает Райла одним из главных основателей этого метода, тогда как Витгенштейна обычно считают его первоисточником.

«“Практический поворот” Витгенштейна был объявлен задолго до “Исследований”, и Райл, безусловно, был осведомлен о содержании Синей и Коричневой книг. Более вероятно, что и Витгенштейн, и Хайдеггер оказали значительное влияние на Райла. Тем не менее, Томассон прав, видя, что “Знание-как и знание-что” обязаны *Бытию* и *Времени* в некоторых существенных отношениях. И Райл, и Хайдеггер пытаются раскрыть неявные обязательства и взаимосвязи в рамках обычного опыта (Хайдеггер) или языка (Райл), чтобы обойти вводящие в заблуждение теоретические реконструкции и ошибочную метафизику, которые, как правило, их сопровождают. Райл и Хайдеггер не только разделяют диагноз многих традиционных проблем разума, они также разделяют точку зрения, что таких проблем можно избежать, изучая обычные практики. Райл говорит о своей собственной “Концепции разума”, что “философские аргументы, которые составляют эту книгу, предназначены не для увеличения того, что мы знаем о разуме, а для исправления логической географии знания, которым мы уже обладаем”» [29, р. 7].*

Позиция Райла на самом деле кажется довольно тесно связанной со взглядами, которых придерживались Сартр и Мерло-Понти: то есть что существует асимметрия между перспективами первого и третьего лица, но что это не вопрос эпистемической привилегии, помимо некоторого минимального чувства осознания или владения нашим собственным опытом. Хотя Райл не рассматри-

* Для более подробного сравнения методов феноменологии и философии обычного языка см. эссе Эрнста Тугендхата [42].

вает феноменологию в «Дилеммах» [30], он развивает свои метафилософские взгляды там таким образом, что дистанцирует свою работу от бихевиоризма, как и иллюстрирует эту любопытную близость. В главе о восприятии Райл утверждает:

«Человек может страдать от дефицита витаминов, не зная, что такое витамины, и тем более что у него их не хватает. Но он не может видеть, вспоминать или удивляться, не зная и того, что он делает, и того, что он делает». — Здесь мы получаем акцент на асимметрии между перспективами первого и третьего лица, и он добавляет: «ни физиолог, ни психолог, ни я сам не можем поймать меня в процессе видения дерева — поскольку видение дерева — это не то, в чем меня можно поймать» [30, р. 101–102].

Райл даже говорит, что «одним из источников этой дилеммы является ... естественное, но ошибочное предположение, что восприятие является телесным процессом или состоянием, как потоотделение» [30, р. 109].

Эти замечания отрицают то, что сегодня называется онтологическим натурализмом, и они удивительно тесно связаны с аргументами Мерло-Понти о воплощении и восприятии в «Феноменологии восприятия». Это и является фактором устойчивой амбивалентности Райла в отношении феноменологии. Именно близость является как философским стимулом, так и причиной потенциального беспокойства. Хотя за многими его критическими замечаниями стоят принципиальные причины: он колеблется между пониманием своего и феноменологического проекта как широко совместимых и несовместимой позиций, в которой ситуация представлена как феноменология или философия обыденного языка. Отчасти эту связь через Райла феноменологическая традиция, от Брентано до Хайдеггера, оказала гораздо более длительное влияние на саму идею аналитической философии и ее надлежащую роль, на развитие некоторых из ее наиболее характерных методов и более позднее применение этих методов к обычному языку, чем это обычно признается.

Итак, доминирование философии обыденного языка в Оксфорде генетически обязано чем-то как феноменологии (через задолженность Райла феноменологии), так и демонстрирует некоторую метафилософскую и методологическую близость с феноменологией. Похожие заявления делали Райль, Стросон и Витгенштейн. Конечно, даже если бы сближение возникло в Ройомоне, как предполагает Овергаард [20], оно могло бы не продлиться долго, учитывая, что философия обыденного языка быстро лишилась своей центральной роли в аналитическом пантеоне в начале 60-х гг. Большинство философов придут к выводу, что претензия феноменологии на единство обыденного языка не является лучшим способом понимания философской задачи сегодня. Внутри каждой «школы» (феноменологии и аналитической философии) существуют огромные доктринальные различия. В каждой «школе» есть центральные фигуры по обе стороны дебатов, касающихся природы и статуса предложений и сущностей, реализма против различных идеализмов или антиреализмов, эпистемологического фундаментализма и роли опыта как эпистемического фундамента, а также степени, в которой мир может быть понят или познан посредством исследования человеческого опыта, мысли или языка. В результате

обычно предполагается, что отличительные черты аналитической философии не основаны на приверженности каким-либо доктринаам, а скорее на определенном методе или подходе к философии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Alexander S. II: Collective Willing and Truth. In: Mind, 1913, 22, pp. 14–47.
2. Austin J. L. A Plea for Excuses. In: Philosophical Papers. Eds. J. Urmson. and G. Warnock. Oxford: OUP, 1961.
3. Bosanquet B. Review of Jahrbuch für Philosophie und Phänomenologische Forschung. In: Mind, 1914, 23, pp. 587–597.
4. Brentano F. Psychology from an empirical standpoint. Translated by Antos C. Rancurello, D. B. Terrell, L. L. McAlister. London: Routledge, 1995.
5. Briggs A., Alan I., E. Martin, eds. Who's who in the twentieth century. Oxford: Oxford University Press, 1999.
6. Chase J., Reynolds J. Analytic Versus Continental: Arguments on The Methods and Value of Philosophy. London: Routledge, 2011.
7. Dummett M. Origins of Analytical Philosophy, London: Duckworth, 1993.
8. Durfee Harold A., ed. Analytic philosophy and phenomenology. The Hague: Martinus Nijhoff, 1976.
9. Hicks G. D. The Philosophy of Husserl. In: Hibbert Journal, 1913–14, 13, pp. 198–202.
10. Honderich T., ed. Oxford companion to philosophy. Oxford: Oxford University Press, 1995.
11. Huemer W. The Constitution of Consciousness: A Study in Analytic Phenomenology. London: Routledge, 2005.
12. Kusch M. Psychologism: A Case Study in the Sociology of Philosophical Knowledge. London: Routledge, 1995.
13. Marcel G. Tragic Wisdom and Beyond, Evanston: Northwestern UP, 1973.
14. Mays Wolfe, and S. C. Brown, eds. Linguistic analysis and phenomenology. Lewisburg: Bucknell University Press, 1969.
15. Mohanty J. N. "Reply to Sellars". R. Bruzina, eds. In: Crosscurrents in Phenomenology, 1978, vol. 7, pp. 186–198.
16. Mohanty J. N. Husserl and Frege. Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 1982.
17. Monk R. Bertrand Russell: The Spirit of Solitude. London: Jonathan Cape, 1996.
18. Moran D. Introduction to phenomenology. London: Routledge, 2000.
19. Mulligan K., Simons P., Smith B. What is wrong with contemporary philosophy? In: Topoi, 2006, vol. 25, pp. 63–67.
20. Overgaard S. Revisiting Royaumont. In: British Journal for the History of Philosophy, 2010, 18:5, pp. 899–924.
21. Preston A. Analytic Philosophy: The History of an Illusion. London: Continuum, 2007.
22. Royce Josiah. The World and the Individual In: International Journal of Ethics, 1902, 12 (3), pp. 389–398.
23. Russell B. Letter to G. F. Stout, 10 June 1918, #119573, Box 6.27, Bertrand Russell Archives, McMaster University, <http://bracers.mcmaster.ca/119573>.
24. Russell B. Letter to E. Husserl, 19 April 1920, #95393, Box 5.47, Bertrand Russell Archives, McMaster University, <http://bracers.mcmaster.ca/95393>.

24. Russell B. *The Analysis of Mind*. London: Allen and Unwin, 1921.
25. Russell B. *Philosophy in the Twentieth Century, Sceptical Essays*. London: Norton, 1928.
26. Russell B. *Theory of Knowledge: The 1913 Manuscript, Collected Papers volume 7*, London: George Allen and Unwin, 1984.
27. Russell E. Letter to F. Gusberti-Cazzani, 26 June 1961, #24183, Box 6.08, Bertrand Russell Archives, McMaster University, <http://bracers.mcmaster.ca/24183>.
28. Ryle G. *The concept of mind*. Chicago: University of Chicago Press, 1949/2009.
29. Ryle G. *Dilemmas*. Cambridge: CUP, 1952.
30. Ryle G. Autobiographical. In: Wood, Oscar P., and George Pitcher, eds. Ryle. New York: Doubleday and Co Wood and Pitcher, 1970.
31. Ryle G. *Critical Essays: Collected Papers Volume 1*. London: Routledge, 1971/2009.
32. Ryle G. *Collected papers volume 2: Collected essays*. New York: Barnes and Noble, 1971.
33. Ryle G. *Review of Essentiale Fragen: Ein Beitrag zum*, 1927.
34. Problem des Wesens, by Roman Ingarden. In: *Mind* 36, no. 143, pp. 366–70.
35. Schmid A.-F. ed. Bertrand Russell: Correspondance sur la philosophie, la logique et la politique avec Louis Couturat (1897–1913). Paris: Éditions Kimé, 2001. #82/
36. Sellars W. “Some Reflections on Perceptual Consciousness”. In: Ronald Bruzina and Bruce Wilshire (eds), *Crosscurrents in Phenomenology*. The Hague: Nijhoff, 1978, pp. 169–85.
37. Simons P. *Philosophy and logic in Central Europe from Bolzano to Tarski*. Dordrecht, The Netherlands: Kluwer, 1992.
38. Smith J. The Russell-Meinong Debate. In: *Philosophy and Phenomenological Research*, 1985, vol. 45, pp. 305–350.
39. Spiegelberg H. *The Context of the Phenomenological Movement*, Dordrecht: Kluwer, 1981.
40. Stroll A. 2000. Twentieth-century analytic philosophy. New York: Columbia University Press, 2000.
41. Thomasson A. *Phenomenology and the Development of Analytic Philosophy*. In: *Southern Journal of Philosophy*, 2002, vol. XL, pp. 115–33.
42. Tugendhat E. Description as the method of philosophy in Mays, Wolfe, and S. C. Brown, eds. 1969. *Linguistic analysis and phenomenology*. Lewisburg: Bucknell University Press, 1969, pp. 256–66.
43. Urmson J. *Philosophical Analysis: Its Development Between the Wars*, Oxford: Clarendon Press, 1956/1967.
44. Warnock G. L. *English Philosophy since 1900*. Second Edition, Greenwood Press, 1982.
45. Warnock M. *A Memoir: People and Places*. London: Duckworth, 2002.
46. Wittgenstein L. *Culture and Value*, Chicago: University of Chicago Press, 1984.

R E F E R E N C E S

1. Alexander, S. II: Collective Willing and Truth. In: *Mind*, 1913, 22, pp. 14–47 (in English).
2. Austin, J. L. A Plea for Excuses. In: *Philosophical Papers*. Eds. J. Urmson. and G. Warnock. Oxford, OUP, 1961 (in English).
3. Bosanquet, B. Review of *Jahrbuch für Philosophie und Phänomenologische Forschung*. In: *Mind*, 1914, 23, pp. 587–597 (in English).
4. Brentano F. *Psychology from an empirical standpoint*. Translated by Antos C. Rancurello, D. B. Terrell, L. L. McAlister. London, Routledge, 1995 (in English).

5. Briggs, Asa, Alan Isaacs, and Elizabeth Martin, eds. 1999. *Who's who in the twentieth century*. Oxford, Oxford University Press, 1999 (in English).
6. Chase, J. and Reynolds, J. 2011. *Analytic Versus Continental: Arguments on The Methods and Value of Philosophy*. London, Routledge, 2011 (in English).
7. Dummett, M. *Origins of Analytical Philosophy*, London, Duckworth, 1993 (in English).
8. Durfee, Harold A., ed. 1976. *Analytic philosophy and phenomenology*. The Hague, Martinus Nijhoff, 1976 (in English).
9. Hicks, G. D. The Philosophy of Husserl. In: *Hibbert Journal*, 1913–14, 13, pp. 198–202 (in English).
10. Honderich, Ted, ed. *Oxford companion to philosophy*. Oxford, Oxford University Press, 1995 (in English).
11. Huemer, W. *The Constitution of Consciousness: A Study in Analytic Phenomenology*. London, Routledge, 2005 (in English).
12. Kusch, M. *Psychologism: A Case Study in the Sociology of Philosophical Knowledge*. London, Routledge, 1995 (in English).
13. Marcel, G. *Tragic Wisdom and Beyond*, Evanston, Northwestern UP, 1973 (in English).
14. Mays, Wolfe, and S. C. Brown, eds. 1969. *Linguistic analysis and phenomenology*. Lewisburg, Bucknell University Press, 1969 (in English).
15. Mohanty, J. N. "Reply to Sellars". R. Bruzina, eds. In: *Crosscurrents in Phenomenology*, 1978, vol. 7, pp. 186–198 (in English).
16. Mohanty, J. N. *Husserl and Frege*. Bloomington, Ind.: Indiana University, 1982 (in English).
17. Monk, R. *Bertrand Russell: The Spirit of Solitude*. London, Jonathan Cape, 1996 (in English).
18. Moran, Dermot. *Introduction to phenomenology*. London, Routledge, 2000 (in English).
19. Mulligan, K., Simons, P. and Smith, B. What is wrong with contemporary philosophy? *Topoi*, 2006, vol. 25, pp. 63–67 (in English).
20. Overgaard, S. Revisiting Royaumont. In: *British Journal for the History of Philosophy*, 2010, 18:5, pp. 899–924 (in English).
21. Preston, A. *Analytic Philosophy: The History of an Illusion*. London, Continuum, 2007 (in English).
22. Royce, Josiah. The World and the Individual. In: *International Journal of Ethics*, 1902, 12 (3), pp. 389–398 (in English).
23. Russell, B. *Letter to G. F. Stout*, 10 June 1918, #119573, Box 6.27, Bertrand Russell Archives, McMaster University, <http://bracers.mcmaster.ca/119573> (in English).
24. Russell, B. *Letter to E. Husserl*, 19 April 1920, #95393, Box 5.47, Bertrand Russell Archives, McMaster University, <http://bracers.mcmaster.ca/95393> (in English).
25. Russell, B. *The Analysis of Mind*. London, Allen and Unwin, 1921 (in English).
26. Russell, B. *hilosophy in the Twentieth Century, Sceptical Essays*. London, Norton, 1928 (in English).
27. Russell, B. *Theory of Knowledge: The 1913 Manuscript, Collected Papers volume 7*, London, George Allen and Unwin, 1984 (in English).
28. Russell, E. *Letter to F. Gusberti-Cazzani*, 26 June 1961, #24183, Box 6.08, Bertrand Russell Archives, McMaster University, <http://bracers.mcmaster.ca/24183> (in English).
29. Ryle, G. *The concept of mind*. Chicago, University of Chicago Press, 1949/2009 (in English).
30. Ryle, G. *Dilemmas*. Cambridge, CUP, 1952 (in English).

31. Ryle, G. Autobiographical. In: Wood, Oscar P., and George Pitcher, eds. New York, Doubleday and Co Wood and Pitcher, 1970 (in English).
32. Ryle, G. *Critical Essays: Collected Papers Volume 1*. London, Routledge, 1971/2009 (in English).
33. Ryle, G. *Collected papers volume 2: Collected essays*. New York: Barnes and Noble, 1971 (in English).
34. Ryle, G. Review of *Essentiale Fragen*, Ein Beitrag zum, 1927 (in English).
34. Problem des Wesens, by Roman Ingarden. In: *Mind* 36, no. 143, pp. 366–70 (in English).
36. Schmid, A.-F. ed. *Bertrand Russell: Correspondance sur la philosophie, la logique et la politique avec Louis Couturat (1897–1913)*. Paris, Éditions Kimé, 2001. #82/ (in English).
37. Sellars, Wilfrid. “Some Reflections on Perceptual Consciousness,” in: Ronald Bruzina and Bruce Wilshire (eds), *Crosscurrents in Phenomenology*. The Hague, Nijhoff, 1978, pp. 169–85 (in English).
38. Simons, P. *Philosophy and logic in Central Europe from Bolzano to Tarski*. Dordrecht, The Netherlands, Kluwer, 1992 (in English).
39. Smith, J. The Russell-Meinong Debate. In: *Philosophy and Phenomenological Research*, 1985, vol. 45, pp. 3305–350 (in English).
40. Spiegelberg. H. *The Context of the Phenomenological Movement*, Dordrecht, Kluwer, 1981 (in English).
41. Stroll, Avrum. *Twentieth-century analytic philosophy*. New York, Columbia University Press, 2000 (in English).
42. Thomasson, A. Phenomenology and the Development of Analytic Philosophy. In: *Southern Journal of Philosophy*, 2002, vol. XL, pp. 115–33 (in English).
43. Tugendhat, Ernst. Description as the method of philosophy in Mays, Wolfe, and S. C. Brown, eds. 1969. *Linguistic analysis and phenomenology*. Lewisburg, Bucknell University Press, 1969, pp. 256–66 (in English).
44. Urmson, J. *Philosophical Analysis: Its Development Between the Wars*, Oxford, Clarendon Press, 1956/1967 (in English).
45. Warnock, G. L. *English Philosophy since 1900*. Second Edition, Greenwood Press, 1982 (in English).
46. Warnock, M. *A Memoir: People and Places*. London, Duckworth, 2002 (in English).
47. Wittgenstein, L. *Culture and Value*, Chicago, University of Chicago Press, 1984 (in English).